

УДК 81'373(571.55)

DOI 10.18101/978-5-9793-1674-1-236-249

**ОБРЯДОВАЯ ЛЕКСИКА ГОВОРОВ СЕМЕЙСКИХ ЗАБАЙКАЛЬЯ
В СВЕТЕ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ АДАПТАЦИИ ИХ НОСИТЕЛЕЙ**

© **Майоров Александр Петрович**

доктор филологических наук, профессор,

Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова

Россия, г. Улан-Удэ

map1955@mail.ru

В статье рассматривается происхождение и историческая динамика состава ключевых терминов свадебной и похоронно-поминальной обрядности семейских Забайкалья. Лексика анализируется в соотнесении с наименованиями элементов свадебного и похоронно-поминального обрядового комплекса в других российских регионах. Выделяются наименования только тех отдельных элементов обрядовых действий, которые могут квалифицироваться как локальные явления в говорах семейских.

Универсальный характер обрядовых действий находит выражение в вариативных региональных наименованиях, а локальные элементы свадебной и похоронной обрядности обозначаются теми языковыми средствами, которые генетически восходят к материнским говорам.

Активное заимствование элементов обрядов жизненного цикла из инокультурного окружения и связанной с ними инодиалектной лексики обусловлено сменой на протяжении 250 лет адаптационной стратегии семейских — переходом от пассивной автаркии к стратегии интеграции, опирающейся на конструктивный диалог культур.

Ключевые слова: свадебная и похоронно-поминальная обрядность, семейские Забайкалья, обрядовая лексика, адаптационная стратегия.

**RITUAL VOCABULARY OF OLD-BELIEVERS' DIALECTS IN TRANSBAIKALIA
THROUGH SOCIOCULTURAL ADAPTATION OF THEIR SPEAKERS**

Aleksandr P. Mayorov

Dr. Sci. (Philology), Prof., Buryat State University

Uan-Ude, Russia

map1955@mail.ru

The article examines the origin and historical dynamics of the key term composition for the wedding and funeral and memorial rituals of the Old believers in Transbaikalia. This vocabulary is analyzed in relation to the names of the elements of the wedding and funeral and memorial ritual complex in other Russian regions. The names of only those individual elements of ritual actions that can be qualified as local phenomena in Old believers' dialects are distinguished.

The universal nature of ritual actions is expressed in variable regional names, and the local elements of wedding and funeral rituals are indicated by those linguistic means that genetically go back to the maternal dialects.

Active borrowing of elements from the life cycle rituals and the non-dialectal vocabulary associated with them is due to the change over 250 years of the adaptive strategy of the family — the transition from passive autarchy to an integration strategy based on a constructive dialogue of cultures.

Keywords: wedding and funeral and memorial rituals, Old believers, Transbaikalia, ritual vocabulary, adaptation strategy

Введение. Лексика говоров семейских, как и словарный состав любого другого вторичного диалектного образования, включает генетически разнородные слова, многие из которых являются результатом междиалектных контактов, неизменно сопутствующих процессу материальной и социальной адаптации носителей этих говоров в новых условиях.

Большинство ученых, изучавших говоры семейских, признают их южнорусскую материнскую основу (В. А. Белькова, Н. А. Дарбанова, П. Ф. Калашников, О. М. Козина, В. И. Копылова, А. М. Селищев, Е. И. Тынтуева, Т. Б. Юмсунова). При этом говоры семейских Забайкалья характеризуются как биостровные — по причине иноязычного окружения в виде бурятского языка и инодиалектного окружения в виде старожильческих говоров [Козина 2006: 11]. Свообразие говорам семейских придавало религиозное мировоззрение предков носителей этих говоров — старообрядцев, обусловившее особый уклад их жизни и отличительные черты их языка.

В связи с уникальностью говоров семейских выдвигаются положения относительно их взаимодействия с другими языковыми образованиями, в каком-то смысле противоречащие друг другу. С одной стороны, утверждается, что говоры семейских испытали сильное влияние сибирских старожильческих говоров [Селищев 1920: 8; Юмсунова 2005: 134]. С другой стороны, считается, что эти говоры отличаются минимальной степенью междиалектного контактирования в силу глубокой конфессиональной обособленности и полной сознательной изоляции семейских от других социальных групп Забайкальского региона [Козина 2006: 137].

Особо следует отметить стремление разграничить степень инодиалектного и иноязычного воздействия на говоры семейских по отдельным тематическим группам (ТГ) словарного состава говоров. Так, констатируется, что наибольшему влиянию со стороны старожильческих говоров подверглись ТГ «Природа», «Животноводство», «Домашнее хозяйство и быт». В них преобладает лексика севернорусского и сибирского происхождения [Юмсунова 1998: 607]. В то же время малую проницаемость со стороны внешнего влияния обнаруживают ТГ «Огородничество» и «Обрядовая сфера» [Там же: 604, 607].

Для решения проблемы историко-генетической природы говоров семейских отдельного внимания заслуживает анализ обрядовой лексики. Слова, связанные с реалиями из сферы традиционной культуры, относятся к культуuroобразующей лексике, а она играет решающую роль в характеристике культурной идентичности людей в рамках той или иной социальной группы и определяет ключевые моменты исторического развития данного идиома, выступающего средством трансляции культуры в процессе межкультурной коммуникации.

Обозначенный Т. Б. Юмсуновой более глубокий подход к исследованию проблемы тем не менее не решает ее полностью. Во-первых, с точки зрения «историко-языковой сохранности» рассматривается только лексика свадебного обряда [Юмсунова 1998: 607], при этом возникают вопросы более точной лингвогеографической характеристики некоторых терминов свадебной обрядности. Во-вторых, одна констатация факта преобладания исконных слов и наличия отдельных инодиалектных слов не объясняет причин изменения явлений традиционной

культуры семейских и наименований этих явлений. В-третьих, тезисы об исконности определенных лингвокультурных явлений в обрядовой сфере должны обосновываться сопоставительным анализом семантики и структуры обрядов разных регионов в соотношении с языковыми средствами наименования их компонентов.

В настоящей статье предпринимается попытка: а) более глубокого исследования происхождения ключевых терминов не только свадебной обрядности, но и похоронного обрядового комплекса; б) анализа данной лексики в соотношении с наименованиями элементов свадебной и похоронной обрядности в других российских регионах; в) рассмотрения причин заимствования обрядовых слов в свете адаптогенных факторов. Большинство обрядовых действий, свойственных практически всем региональным русским традициям, имеют общерусские названия, и описание этих языковых средств, равно как глубокий анализ семантики и структуры обрядовых комплексов не входит в задачу настоящего исследования. Будут рассматриваться только наименования тех отдельных элементов обрядовых действий, представленных в традиционной культуре семейских, которые могут квалифицироваться как локальные явления в говорах этой этнокофессиональной группы.

Поскольку анализ историко-генетических корней обрядовой лексики неразрывно связан с изучением самих обрядовых действий, методика исследования предусматривает характеристику варьирования культурных реалий свадебной и похоронной обрядности по территориальному признаку и характеристику наименований этих реалий, допускающих в свою очередь, региональное варьирование языковых средств при обозначении одного и того же обрядового явления. При этом следует принимать во внимание то, что варьирование и лексических средств, и их денотатов носит динамический характер, поэтому даже в говорах, материнских по отношению к говорам территорий вторичного заселения, определенные номинации обрядовых элементов могут применяться или отсутствовать в ритуалах сел одного и того же региона.

Лексика свадебной обрядности. Среди известных обрядов жизненного цикла у большинства этносоциальных групп, в т. ч. у семейских, свадебный обряд обладает, пожалуй, наиболее явными диагностирующими признаками этнокультурной идентичности. В этом случае лексика свадебного обряда может служить надежным способом ее описания, с одной стороны, и средством анализа динамики ключевых элементов традиционной культуры под давлением внешних и внутренних факторов — с другой.

Русский свадебный обряд в принципе имеет универсальную структуру, в которой выделяются досвадебный, свадебный и послесвадебный этапы. На каждом этапе также обнаруживаются общие для различных региональных традиций компоненты: например, сватовство, рукобיתье, девишник в досвадебном обряде, выкуп косы, венчание, привоз в дом жениха, свадебное застолье на свадебном этапе, буженье молодых, испытание молодых в послесвадебный период.

В процедуре сватовства знаковым выступает место, отводимое сватающимся для предстоящей беседы, — под или перед матицей, как в севернорусской и сибирской традиции [Петриченко 2019; Миненко 1977], так и в южнорусской обрядности, в частности в воронежских, курских, липецких, пензенских, рязанских,

тамбовских говорах [Богданова 2019: 77; Региональная содержательность 2021; Бузин 2018: 200–202]. Потолочный брус также используется в роли обрядового элемента у семейских, и в их говорах он имеет местные диалектные наименования *ма́тка*, *ма́тница*¹. Если первое слово широко представлено в северно-, средне-, южнорусских и сибирских говорах, то второе ограничено в территориальном функционировании больше: фонетический вариант *ма́тница* употребителен в севернорусских и сибирских говорах, а *матница* — исключительно в иркутских говорах и, судя по контексту, в указанном обрядовом значении [СРНГ, вып.18: 33]. Характерно, что даже такой значимый символ свадебной обрядности способен утрачивать свою актуальность в пределах локально близких территориальных образований. Например, усаживание сватов под матицу (*ма́тку*) в свадебном обрядовом комплексе населения Тамбовской области в одних селах может быть обязательным, а может не быть таковым [Бузин 2018: 201–202]. У семейских похожим образом в одних селах какой-то обрядовый элемент действителен, в других селах он не актуален: так, девичник где-то мог устраиваться, а где-то нет, не у всех семейских был распространен обычай устраивать обрядовую баню и т. п.

Сам процесс сватовства у семейских именовался посредством словообразовательных вариантов *высва́тывать/ засва́тывать/ просва́тывать*, имеющих общерусское распространение. Обряд *рукобитья*, в широком смысле слова представляющий собой соглашение между родителями жениха и невесты о браке, является общерусским, однако некоторые его содержательные элементы и номинации в севернорусской и южнорусской свадебной обрядности различаются: на севере и в Сибири распространены наименования *рукоби́тье*, *рукодáнье*, *запо́й*, *пропíвки*, *пропíны*, *уговóрки*, *богомóлье*, *мо́лье*, *запору́ки*, *заручи́ны*, *заруче́нье* и др. [Ведерникова 2016; Миненко 1977; Дмитриева, Шахнович: Эл. ресурс; Шанина 2016], на юге — *запо́й*, *пропóй*, *выпиву́шки*, *пропиву́шки*, *лады́*, *сго́вор* и др. [Богданова 2019: 79; СРНГ (запо́й), вып.10: 336]. Строгое разграничение обрядовых элементов, в частности элемента сговора-рукобитья, провести трудно: даже в пределах одной локации, как уже было отмечено выше, они могут сильно варьироваться. В говорах семейских употребляются севернорусско-сибирские названия *рукоби́тье*, *заруче́нье*. Завершаемый выпивкой обряд сватовства семейских назывался словом *запíвка* как образование от глагола *запíвать* в обрядовом значении, данный термин также встречается в вятских и свердловских говорах [СРНГ, вып.10: 317], а в форме мн.ч. *запíвки* — в ярославских, псковских, курских, вологодских говорах. В статусе просватанной девушка в воронежских селах именовалась *запíтая дéвка* [Богданова 2019: 91–92], и это выражение знакомо говорам семейских.

Наиболее яркой чертой, сближающей севернорусскую свадьбу со свадьбой семейских, является ритуал прощания с девичеством, ознаменованным символом вплетенной в косу ленты, либо головного убора различного вида. Данный символ в севернорусской традиции получил вариативные наименования *красá*, *дéвья красá*/ *деви́чья красá*, *красота́*/ *красота*/ *крóсота* [Ведерникова 2016]. Наследие севернорусской традиции обнаруживает себя в говорах русского старожилого

¹ Здесь и далее все примеры наименований обрядовых элементов у семейских приводятся по: [Юмсунова 2005: 201–212 и СГССЗ].

населения Приамурья: слово красота́ ‘украшение из цветов и лент на голове невесты’ употребляется в устойчивых словосочетаниях *раздавать красоту́*, *развозить красоту́*, обозначающих элементы свадебного обряда [СГРП: 373; Алб. словарь: 215]. В свадебной обрядности семейских представлен этот же атрибут с той же функцией и теми же названиями: вплетали в косу ленту либо надевали головной убор в виде расшитой бисером и украшенной кистями картонной коробки, называемые *краса́*, *красота́/красота*. В данном случае не должна смущать широта предметной отнесенности вариативных наименований (головной убор разной формы, лента, вплетенная в косу): она считается характерной чертой обрядовой терминологии [Седакова 2004: 23]. Водружение на голове *девьев красоты* (*красоты/красоты*) и ритуал ее раздачи являются ключевыми в драматургии севернорусской традиционной свадьбы, поскольку характеризуют переход невесты из одной социальной группы в другую [Ведерникова 2016]. Обычно противопоставляют севернорусскую свадебную обрядность, в которой акцент делается на инициации невесты, прощании ее с девичеством и близкими родными в связи с уходом из семьи (свадьба-похороны), южнорусской свадебной обрядности, в которой доминирует праздничный настрой (свадьба-веселье). Инициационная символика предельно емко и выразительно представлена в элементе «красоты», который присутствует в свадебном обряде семейских. Надо сказать, этот яркий севернорусский свадебный атрибут был заимствован и в южнорусских похоронных традициях: в частности, в воронежских обрядах и, соответственно, в воронежских говорах отмечается удивительное сочетание севернорусских элементов с южнорусскими, объясняемое особенностями исторического развития региона [Богданова 2019: 204, 284].

Ряд специфических выражений, характеризующих дни свадьбы, можно встретить не только в говорах семейских и их материнских южнорусских идиомах, но и в севернорусских и сибирских говорах. Описывая первый день свадьбы, семейские говорили *отсидеть* (*просидеть*) *стол*. Аналогичный устойчивый оборот *сидеть* (*отсидеть*) *стол* употребляется для описания угощения в день свадьбы после венчания в костромских говорах [СРНГ, вып. 41: 196].

Для наименования угощения на 2-й день свадьбы в говорах семейских используется составное наименование *похмельный стол*. Данное выражение широко распространено в сибирской свадебной обрядности — оно употребительно в томских, новосибирских, красноярских говорах [Там же].

Очевидно сходство своеобразного завершения свадьбы у семейских и у населения отдельных регионов Сибири, а также юга европейской части России: данное сходство обнаруживается в описании обрядового действия в словарной статье глагола тушить, которое употребляется в устойчивом выражении тушить овин ‘заканчивать, завершать свадьбу’ в говорах среднего Прииртышья [СРНГ, вып.45: 309]: *Завтра вечером тушить овин будут: кто солому принесет, кто тряпку зажжет, а молодые заливают потом, и уже конец свадьбы*. Устойчивое словосочетание *тушить овин* в этом значении употребляется в воронежских говорах [Богданова 2019: 283], в белгородских говорах. В говорах семейских устойчивое словосочетание *тушить свадьбу* обозначает похожие особенности обряда завершения свадьбы [СГССЗ: 480], и каким путем сформировалось данное обрядовое явление в свадебном ритуале семейских, однозначно ответить

нельзя. Если из наименований участников свадебного обряда в говорах семейских слова *дру́жка*, *подже́нщик* являются практически повсеместными, то синоним *товари́ш*¹ употребляется, помимо говоров семейских, только в говорах ср. Прииртышья [СРНГ, вып. 44: 162], а термин *ты́сячный* 'главный распорядитель на свадьбе' известен исключительно в архангельских, пермских, прииртышских и амурских говорах [Там же, вып.45: 342]. Здесь уместно вспомнить замечание А.С. Герда о том, что «обилие синонимов и производных, обозначающих одно понятие в одном ареале, свидетельствует об устойчивости и важности реалии в жизни» [Герд 1995: 65]. Синонимы *дру́жка* — *подже́нщик* — *товари́ш* — *ты́сячный* не только подтверждают важность таких элементов свадебного обряда, как его участники, но указывают на неизбежную динамику ключевых единиц обрядового лексикона, которая предопределяется адаптогенными факторами в условиях обустройства старообрядцев на территориях позднего заселения. Обратим внимание на еще один немаловажный факт, связанный с фонетико-морфологическим варьированием слова *дру́жка/дружко́*. В ареалах употребления данных вариантов прослеживается достаточно последовательное дополнительное распределение. Произношение *дру́жка* (соответственно, принадлежность слова к существительным муж. рода с окончанием *-а/-я*) распространено в севернорусских, северо-западных и среднерусских говорах — ярославских, владимирских, ленинградских, новгородских, вятских [СРНГ, вып.8: 213]. Наименование же *дружко́* употребительно в южнорусских говорах — белгородских [Барбарин 1995: 37, 39], курских [Токмакова 2001: 6], терских, рязанских, смоленских [СРНГ, вып.8: 214]. В говорах семейских употребляется только севернорусский вариант *дру́жка*.

Употребление в свадебном обрядовом лексиконе семейских распространенных в русских говорах Сибири и средне-, севернорусских говорах слов и устойчивых словосочетаний *обру́чник и обру́чница*, *провожа́тка*, *зала́мывать воро́та*, *продава́ть косу́*, *зада́ток*, *свадьба убе́гом* отмечала Т. Б. Юмсунова [1998: 607].

Таким образом, сопоставительный анализ языковых средств, участвующих в номинации элементов свадебного обрядового комплекса разных регионов, показывает, что обрядовая терминология семейских насыщена севернорусскими, среднерусскими и сибирскими заимствованиями больше, чем представлялось раньше.

Названия ключевых атрибутов и элементов свадебного обрядового комплекса, обрядовых действий на разных этапах (*ма́тница*, *заруче́нье*, *запи́вка*, *красо́та/красо́та/кросо́та*, *зала́мывать воро́та*, *дру́жка*, *товари́ш*, *ты́сячный*, *сиде́ть стол*, *туши́ть сва́дбу* и др.) свидетельствуют об интенсивном влиянии севернорусской традиции через посредство сибирских свадебных обрядов на свадебную обрядность семейских. Тем самым опровергается тезис о слабой проницаемости обрядовой сферы семейских со стороны внешнего воздействия, минимальной степени междиалектного контактирования в силу их конфессиональной обособленности.

Аргументом в пользу открытости для заимствования инокультурных элементов свадебной обрядности и их номинаций у семейских служит функционирова-

¹ В пользу севернорусского происхождения этого обрядового слова может говорить произношение твердого [ш] на месте долгого мягкого [шш'].

ние синонимов *мáтка* — *мáтница*, *рукобѣтье* — *запѣвка* — *заручѣнье*, *дру́жка* — *поджени́шник* — *товáриш* — *ты́сячный*. В данных синонимических рядах последний член является словом севернорусского происхождения, и это по умолчанию указывает на возможность интерпретации самих обрядовых действий и их атрибутов как претерпевших изменения в результате межкультурной коммуникации.

Изменчивость свадебного ритуала семейских обнаруживается в отсутствии в современных обрядах семейских некоторых характерных следов традиционной южнорусской обрядности. В частности, устойчивой чертой южнорусской свадьбы выступает каравайный обряд, и хлеб как кодовый элемент свадебной обрядности выступает с разными символическими функциями практически на всех этапах южнорусской свадьбы: булка хлеба во время сватовства (*хлеб рѣзать* значит 'свататься' [Богданова 2019: 75]; изготовление обрядовых мучных изделий — каравая, шишек, накануне девичника [Барбарин 1995: 37]; украшение калача во время девичника (*цветковáть*, *убира́ть калáч*) [Гревцова 2012: 76–77]; одаривание гостей в обмен на подарок булочками (шишками) во время свадебного застолья [Там же: 77–78] и др.

Скорей всего, отсутствие в свадебной обрядности семейских этих и других традиционных южнорусских элементов — результат динамики свадебной обрядности, обусловленной различными адаптогенными факторами.

Лексика похоронно-поминальной обрядности. В похоронно-поминальной обрядности семейских можно проследить те же тенденции существенного влияния севернорусской и сибирской традиций. Наблюдаются похожие закономерности: универсальный характер обрядовых действий находит выражение в вариативных региональных наименованиях, а локальные элементы похоронной обрядности обозначаются теми языковыми средствами, которые генетически восходят к материнским говорам.

Региональные особенности в терминологии данного обрядового комплекса у семейских выявляются с учетом двух прямо противоположных концепций. С одной стороны, во многих исследованиях подчеркиваются однородность указанных обрядов жизненного цикла и отсутствие их ярко выраженных локальных вариантов, что ученые связывают с консерватизмом обрядности, отражающей архаичные представления о смерти как форме перехода в инобытие [Подюков, Свалова 2019: 48; Русский Север 2001: 661; Чухина 2012]. С другой стороны, утверждается, что традиционная культура существует только в локальных формах, и локальность рассматривается как базовая характеристика погребально-поминальной обрядности русских [Межевикин 2012: 309]. В фундаментальном исследовании погребальной обрядности восточных славян утверждается, что наличие локальных черт всегда определяется доминированием одной из функций обрядовых действий [Седакова 2004: 79].

По-видимому, одно не должно исключать другого: наличие универсальных черт в каком-либо обрядовом комплексе не отменяет формирование в нем локальных черт, и наоборот. Те или иные явления в местной обрядовой культуре, как правило, сводящиеся к отдельным элементам обрядовых действий или их атрибутам, восходят к архаичным универсальным явлениям, подобно бродячим (блуждающим) сюжетам в литературе, фольклоре, например передача курицы

через гроб в южнорусской и тобольской обрядности, пеленание покойника у семейских и часовенных старообрядцев Дальнего Востока и т.п.

Обычно в погребально-поминальном обряде у восточных славян выделяют трехчленную структуру: 1) приготовление к смерти, 2) собственно похороны, 3) поминавание [Чухина 2012] (в иной терминологии — предпогребальный, погребальный и поминальный этапы). Общей чертой, объединяющей семейский похоронный обряд с другими традициями, является приготовление на случай смерти одежды. В русских говорах представлена широкая вариативность наименования этого обязательного для похорон атрибута: например, в смоленских говорах — *смертная одежда (одежда)* [СРПГ: 418], в новгородских говорах — *смертное платье* [Там же: 357], в амурских говорах — *смертная одёжа* [СРПГ: 418], в архангельских говорах — *одежда на смерть, умиральное платье* [Русский Север 2001; СРНГ, вып.47: 187], в пермских говорах — *смертная сряда, смертельная одежда, мертвая лопоть* [Подюков, Свалова 2019: 52], в нижегородских говорах — *смертная одёжда (одежда), смертёльная рубáха, смёртное белье, погребáльная одежда* [Никифорова 2015: 491]. Одежда для покойника, завязанная в кусок ткани, могла называться отдельным, отмеченным во многих говорах устойчивым словосочетанием *смёртный узел (узёлóк)*. Погребальная одежда в составе с другими необходимыми для покойного вещами в пермских говорах называлась смертная котомочка [Подюков, Свалова 2019: 52].

В говорах семейских одежда для погребения имеет вариативные наименования, общие с ее названиями в средне-, южнорусских и сибирских говорах: *смеретная одежда, смёртная одежда (одёжда), мертвёцкая одежда, могильная одежда*; точно так же в этих говорах используется составное наименование смёртный узел.

На случай смерти в большинстве обрядовых традиций гроб готовили заранее. Его самое употребительное наименование *домовина* встречается как в севернорусской, так и в южнорусской похоронной обрядности. Однако сам обозначаемый предмет мог иметь отличительные региональные черты, в частности специфическими могли быть его изготовление и материал для гроба. К сожалению, дефиниция слова *домовина* в СРНГ не содержит описания реалии, между тем как гроб в разных традициях сооружался разными способами. Помимо распространенного гроба из досок в похоронном обряде применялся гроб, выдолбленный из цельного массивного бревна. Эта архаичная форма гроба, характерная еще для некоторых доисторических захоронений, использовалась не только старообрядцами, но и крестьянами, не являющимися староверами на Русском Севере, в Вологодской губернии [Русский Север 2001]. Такой гроб-домовина известен в похоронной обрядности семейских Забайкалья. Упоминание гроба-колоды, выдолбленного из цельного ствола кедра, встречаем в описании похоронно-поминальных обрядов часовенных старообрядцев Дальнего Востока [Аргудяева 2007: 54].

На этапе приготовления к погребению практически во всех похоронных традициях умершего обмывают. Каких-то явных регионализмов, характеризующих этот элемент обрядности, не выявляется. Исключение представляют термины *обмыва́ха* в говорах семейских и *омывáльщица* в нижегородских говорах. Эти варианты выступают в качестве словообразовательных вариантов общерусского

термина *обмывальщица*. Особенность в данном случае может усматриваться в главном участнике этого обрядового акта, в роли которого в иных традициях (как правило, севернорусских) выступала только женщина, а в иных, как и у семейских, мужчина (*обмывальщик*) и женщина (*обмывальщица*).

Следующая процедура на этом этапе, известная во всех российских регионах, — обряжение покойника. Называться она могла по-разному: *нарядить, снарядить* — в нижегородских говорах [Никифорова 2015: 490]; *обрядить* — в архангельских, костромских, псковских, владимирских, нижегородских, смоленских, брянских говорах [СРНГ, вып.22: 224; Никифорова 2015: 490]; *сдобить* — в новгородских говорах [Седакова 2004: 86]; *собрать* — в оренбургских, нижегородских, костромских говорах [СРНГ, вып.39: 161; Никифорова 2015: 490]; *срядить* — в архангельских, пермских, костромских говорах [СРНГ, вып.40, 334]; *убрать* — в калужских, рязанских, пермских, нижегородских говорах [СРНГ, вып.46:122; Никифорова 2015: 490]; *укутать* — во владимирских говорах [Седакова 2004: 86].

В говорах семейских для наименования этой процедуры употребляются глаголы *собрать/собирать, нарядить/наряжать*. Рассматривая региональные черты номинации этого процесса, нельзя не отметить связанную с концептом пути в иной мир семантическую аналогию севернорусских глаголов *наряжать/нарядить, снаряжать/снарядить* со среднерусским глаголом *собирать/собрать* в указанном значении. В архангельских говорах *наряжать/нарядить* употребляется в значении ‘собирать в путь’, а в олонечких говорах *снаряжать/снарядить* — в значении ‘приготовлять лошадь к поездке’ [СРНГ, вып. 39: 88]. Скорей всего, уже в сибирских говорах, согласно представлению о смерти как пути в иной мир, у данных глаголов закрепился перенос значения по аналогии с глаголом *собирать/собрать*. Мысль о смерти-пути отражается также в севернорусских фольклорных причитаниях: *собираться-снаряжаться во матушку-сыру землю* [СРНГ, вып. 39: 88].

Из других отдельных элементов обрядовых действий, отличающихся региональной спецификой, стоит выделить довольно редкое в русской обрядности явление — пеленание покойника. Этот обычай был известен среди населения по нижнему и среднему течению р. Урал [СРНГ, вып.25: 327], в Пермской губернии [Голикова 2012: 118], у часовенных старообрядцев Дальнего Востока [Аргудяева 2007: 54] и у семейских Забайкалья. Общим для всех названных традиций атрибутом был саван, в который одевали умершего. Различия заключались в деталях — материале савана, способе пеленания. Например, на Дальнем Востоке обряженного в саван покойника пеленали «пеленами», сплетенными из трех льняных ниток, и перетягивали тело умершего так, чтобы получилось три креста [Аргудяева 2007: 54]. В Пермской губернии облаченного в саван покойника опоясывали большим нитяным поясом, ноги обертывали холщовыми тряпками и завязывали нитками [Голикова 2012: 118]. Все эти обрядовые действия обозначались глаголом пеленать.

С обрядовой традицией севернорусского населения связано представление семейских об обуви, надеваемой на покойника. Одной из примечательных черт такой обуви является то, что она должна быть новой, нехоженой. В архангельских, онежских, а также в пермских, уральских, амурских говорах для наимено-

вания полотняной, кожаной, суконной или бумажной обуви, надеваемой на покойника, используется слово *калі́шки* [СРНГ, вып.12: 354; Голикова 2012: 118]. Это же слово употребляется в говорах семейских, но прослеживается небольшое отличие в характеристике материала изготовления обуви — она могла быть сшита из войлока или связана из шерсти [СГССЗ: 189].

Видимо, влияние сибирской обрядности проявляется в обычае семейских надевать на лоб усопшему бумажную ленту с молитвой, которая называлась *вѣнчик*. Известный историк Приморского края А.П.Георгиевский отмечает функционирование в 20-х гг. XX века этого слова со значением ‘молитва об отпущении усопшему грехов’ в местных говорах (цит. по: [<http://oppps.ru/poxoronnye-tradicii-na-rusi.html>]). Производящее слово *вѣнец* в значении ‘бумажная лента с надписью, накладываемая на лоб покойника’ и производное от него *вѣнчик* в этом же значении употреблялись в уральских говорах [СРНГ, вып.4: 113]. Существует также точка зрения, что *венчик*, наряду с поясом с молитвой и рукописанием, в похоронной обрядности старообрядцами вообще не признавались [Ясинская 2000: 16].

Ритуал причитания, присущий всем русским похоронным традициям, обозначается глаголами *голосить* и *причитать*, которые входят в словарный состав литературного языка и используются на похоронах семейскими. Наряду с ними употребляются два диалектных слова *приголáшивать* и *куковать* (с производными *закуковать*, *покуковать*). Глагол *приголáшивать* характеризует обрядовые плачи в олонецких [СРНГ, вып.31: 167] и нижегородских говорах [Никифорова 2015: 490]. Глагол *куковать* в значении ‘горевать, тосковать, печалиться’ употребляется в терских, воронежских, олонецких говорах, а глаголы *закуковать* ‘загоревать’ [СРНГ, вып.10: 174], *покуковать* ‘поплакать’ [СРНГ, вып.29: 21] — в смоленских говорах. Скорей всего, обрядовое значение в говорах семейских на базе семантики южнорусских глаголов сформировалось позже. Синонимия в описании обрядового плача также свидетельствует в пользу динамики обрядового словаря, отражающей социокультурную адаптацию семейских.

Суть исторических изменений обрядовых действий и их номинаций прослеживается и в других явлениях похоронно-поминального обрядового комплекса семейских. После выноса покойного в каких-то селах семейских мыли полы, в каких-то это не было принято вообще, в каких-то мыли после поминального обеда [Юмсунова 2005: 222]. Данное ритуальное действие в основном фиксируется в северных областях европейской части России, на Урале и в Сибири [Межевикин 2015: 311; Голикова 2012: 121]. Историческую связь указанных традиций подчеркивает термин *замывать следы (дорóжки)*, употребляющийся в уральских, севернорусских говорах [СРНГ, вып.10: 268] и в говорах семейских.

Южнорусский след похоронной обрядности прослеживается в наименовании кладбища могилками [Межевикин 2015: 313]. Так же кладбище называют семейские.

Традиционное поминальное блюдо под названием *кутья* распространено повсеместно¹, в том числе в похоронно-поминальной обрядности семейских. В то

¹ В истории похоронно-поминального обряда *кутья* в виде каши с медом и изюмом во многих регионах севера европейской части России раньше была не знакома: она либо изготавливалась в виде «красного меда», растворенного в воде (Арх. обл.), либо под этим

же время у семейских отмечается употребление синонимического наименования *панафíда*, имеющего сибирское происхождение: в значении 'кутья — род каши из пшеницы с медом' слово *панафíда* употребляется в иркутских и новосибирских говорах [СРНГ, вып.25: 193].

Наконец, для наименования поминального обряда в день похорон семейские используют устойчивые словосочетания *горячий стол*, *горячий обед*, *горячие поминки*. Данные фразеологизмы нельзя однозначно характеризовать как южнорусское наследие, поскольку составное наименование *горячий обед* в значении 'поминки в день похорон' употребительно в курских, орловских, сибирских, дальневосточных (амурских) говорах [СРНГ, вып.7: 88], *горячий стол* — в нижегородских [Никифорова 2015: 491], пензенских, казанских говорах [СРНГ, вып.7: 88]. Выражение *горячие поминки* в других диалектных идиомах, кроме говоров семейских, не встречается: вариант данного устойчивого словосочетания *горячий помин* употребляется в нижегородских говорах [Никифорова 2015: 491]. Как уже подчеркивалось выше, сам факт синонимии при наименовании этого обрядового элемента больше говорит о динамике обрядового лексикона, отражающей влияние внешних и внутренних факторов социокультурной адаптации семейских.

Динамика обрядового лексикона и социокультурная адаптация семейских. Функционирование в говорах семейских обрядовых терминов севернорусского происхождения, заимствованных из сибирских говоров, объяснять как результат междиалектных контактов представляется недостаточным, поскольку слова обрядовой сферы действительно относятся к наиболее консервативному пласту лексики, с трудом поддающемуся изменениям, и активность динамики обрядового лексикона семейских вызывает вопросы.

Проникновение в относительно замкнутый обрядовый словарь говоров семейских инодиалектной лексики было обусловлено факторами социокультурной адаптации носителей этих говоров. Переселение старообрядцев с района Ветки в Забайкалье вызвало необходимость приспособления элементов их традиционной материальной и духовной культуры к новым условиям внешней среды, под которой понимается «совокупность природных и социальных условий жизнедеятельности группы, оказывающих влияние на ее существование, жизнедеятельность и воспроизводство» [Повод 2001: 183]. Это не могло не проявиться в трансформации некоторых элементов культуры, включении инноваций, в изменении некоторых форм речевого поведения, речевой коммуникации семейских и связанных с этими формами языковых единиц.

Из базовых адаптационных стратегий, выделяемых в концепции американского антрополога Ф.К.Бока, у семейских выбор пал на интеграцию (аккультурацию), являющуюся «наиболее предпочтительной и успешной стратегией адаптации, при которой этноменьшинства сохраняют приверженность своей культуре и параллельно интернализируют инокультурные атрибуты» (цит. по: [Ионин 2004: 17]).

Как известно, развитию потенциальных адаптивных способностей группы способствует такое явление этнокультурных отношений, как «межгрупповая

названием были известны кушанья из гороха (гороховый кисель или гороховая каша в Арх.обл.) [СРНГ]. Главным же поминальным блюдом был рыбный пирог [Русский Север 2001.

дискриминация» [Агеев 1990: 78–80], которая может выражаться в виде социального давления или ущемления. В силу воздействия в XVII–XVIII вв. на старообрядцев их религиозной дискриминации — важнейшего антропогенного фактора, можно говорить о первоначальной ориентации семейских на стратегию пассивной автаркии, по Ф. К. Боку, подразумевающую отказ адаптантов от прямых контактов с элементами иной культуры в новом окружении и обусловленных этими контактами негативных симптомов культурного шока. Следы данной стратегии отражаются в уходящей ныне практике запретов на совместные трапезы с иноверцами, использование с ними одной посуды, на чем строится достаточно стереотипное восприятие старообрядцев у современных россиян.

Новая стратегия интеграции, опирающаяся на конструктивный диалог культур, переосмыслила место семейских в оппозиции «свои — чужие» и сместила границы их культурного пространства как средства идентичности семейских. И именно осознание амбивалентной разделяющей и объединяющей функции границы является отправной точкой в «структурировании» освоенного. Любопытно описание специфики такого осознания как системы оппозиций «семейский — русский», «семейский — сибиряк», «семейский — православный» [Дарбанова 2017].

Установление в традиционной культуре семейских относительно новых границ и функций обрядовых действий проявляется в двух тенденциях. С одной стороны, происходит забвение тех элементов обрядового комплекса, которые были присущи материнской южнорусской обрядности. Так, в свадебном обряде семейских не сохранилось никаких следов каравайного обряда, отдельных элементов как диагностирующих признаков (скаkanie по лавкам невесты, глядение в печку сватов и др.).

С другой стороны, у семейских в свадебном обряде обрел черты типичности севернорусский по происхождению элемент *дэвья красá* (*красотá/ красота/крóсота*), стала обычной открытостью для межкультурного взаимодействия, проявляющаяся в говоре в виде синонимических рядов типа *дру́жка — подже́ннишик — това́риш — ты́сячный*. В похоронно-поминальном обряде семейских на первый план выступают изначально не присущие их традиционной культуре севернорусские или сибирские обрядовые элементы, получающие соответствующее языковое выражение — *пелена́ть* (*покойника*), *замыва́ть следы́*, *вѣнчик*, *кали́шки*.

Если в XVIII–XIX вв. конфессиональная обособленность и социокультурная изоляция семейских были продиктованы адаптационной стратегией пассивной автаркии, отвечавшей в целом «культурному перфекционизму», который в русской истории в целом отвечал масштабу национально-культурных притязаний русских, представленных, например, еще в формуле русской идеи «Москва — Третий Рим, а четвертому не бывать». В XX столетии происходит переход семейских от культурного перфекционизма к диалогу культур, к дрейфу идентичности, что и выражается в модификациях ключевых элементов обрядов жизненного цикла и в динамике обрядового лексикона.

Литература

1. Агеев В. С. Межгрупповое взаимодействие: Социально-психологические проблемы. М.: Изд-во МГУ, 1990. 240 с.

2. Аргудяева Ю. В. Похоронно-поминальные обряды восточных славян на юге Дальнего Востока // Словесница искусств. Философия обряда. № 19. Хабаровск, 2007. С. 52–57.
3. Архипова Н. Г. Старообрядцы Амурской области: История и особенности языкового существования // Филологические науки. Вопросы теории и практики. В 3 ч. Ч. 3. Тамбов: Грамота, 2017. № 5(71): С. 52–56.
4. Барбарин Л. Н. Свадьба в селе Подсереднее Белгородской области // Живая старина. 1995. № 3. С. 36–40.
5. Богданова Е. А. Лексика свадебного обряда в воронежских говорах: этнолингвистический аспект: дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2019. 324 с.
6. Бузин В. С. Этнография и математика: опыт статистической типологии южнорусской свадебной обрядности. Тамбов: Грамота, 2018. № 12(98). Ч. 2. С. 196–210.
7. Ведерникова Т. И. Северорусский традиционный свадебный обряд (по материалам экспедиции кафедры этнографии исторического факультета МГУ 1973 г. в Архангельскую область) // Исторические исследования. Журнал исторического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова. 2016. <https://cyberleninka.ru/article/n/severorusskiy-traditsionnyy-svadebnyy-obryad-po-materialam-ekspeditsii-kafedry-etnografii-istoricheskogo-fakulteta-mgu-1973-g-v>. (дата обращения: 31.07.2021).
8. Герд А. С. Введение в этнолингвистику. СПб., 1995. 92 с.
9. Голикова С.В. Похоронные обряды русских Урала середины XIX — начала XX в. // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2012. № 4(19). С. 118–122.
10. Гревцова Т. Е. Хлеб как элемент предметного кода в свадебной обрядности бывшего Донецкого округа области Войска Донского (на материале юргов Луганской и Митякинской станиц) // Лінгвістика. 2012. № 3(27). С. 74–81.
11. Дарбанова Н. А. Парадоксальность самоидентификации в речи семейских Забайкалья // Вестник НГУ. Сер. «История, филология». 2017. Т. 16. № 9: Филология. С. 106–111.
12. Дмитриева Л. С., Шахнович А. Г. О свадебном ритуале русских крестьян Енисей-Ангаро-Ленского междуречья (конец XIX — начало XX в.). URL: <http://www.pribaikal.ru/talci-item/article/2118.html> (дата обращения: 05.08.2021).
13. Закрома русской души. Вып. 2. Севернорусская свадьба. 01.02.2016. URL: <https://prazdnikson.ru/zakroma-russkoy-dushi-vyipusk-2-severnor/>.
14. Ионин Л. Г. Социология культуры. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2004. 427 с.
15. Козина О. М. Говоры старообрядцев Бурятии — семейских: генезис, диалектный тип. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2006. 166 с.
16. Межевикин И. В. Локальные варианты погребально-поминальной обрядности русских Тоболо-Иртышского междуречья // Вестник Омского университета. 2012. № 1. С. 309–314.
17. Миненко Н. А. Свадебные обряды у русских крестьян Западной Сибири в XVIII — первой половине XIX века // Б.м., 1977. С. 91–103. https://journal.iea.ras.ru/archive/1970s/1977/no3/1977_3_091_Minenko.pdf. (дата обращения: 05.08.2021).
18. Никифорова О. В. Лексическая объективация народных представлений о смерти в нижегородских говорах // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2015. № 2(2). С. 489–492.
19. Петриченко Ж. Пир на весь мир: свадебные традиции Русского Севера // <http://www.7mostov.info/menu-item-root/podgotovka-k-svadbe/shag-za-shagom/svadebnye-tseremonii/219-pir-na-ves-mir-svadebnye-traditsii-russkogo-severa>
20. Повод Н. А. Некоторые аспекты процесса этнокультурной адаптации // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2001. Вып.3. С.182–186.
21. Подюков И. А., Свалова Е. Н. Локальная специфика лексики похоронно-поминальной обрядности русских Прикамья // Научный диалог. 2019. № 11. С. 46–60.

22. Региональная содержательность южнорусского свадебного обряда (на примере свадебного обряда села Плехово Суджанского района Курской области) // https://studwood.ru/858044/kulturologiya/regionalnaya_soderzhatelnost_yuzhnorusskogo_svad_ebnogo_obryada_primere_svadebnogo_obryada_sela_plyohovo (дата обращения: 15.08.2021).

23. Русский Север: этническая история и народная культура XII–XIX веков. Гл. 11. Похоронно-поминальные обычаи и обряды. М.: Наука, 2001. 848 с.: ил. URL: <https://www.booksite.ru/fulltext/nor/thr/uss/29.htm>

24. Седакова О. А. Поэтика обряда. Погребальная обрядность восточных и южных славян. М.: Индрик, 2004. 320 с.

25. Токмакова О. С. Заключительные обряды свадьбы в южных районах Курской области // Живая старина. 2001. № 2. С. 5–8.

26. Чухина А. А. Похоронно-поминальный обряд у русского населения Архангельского Севера в конце XIX — начале XX вв. // Фундаментальные и прикладные исследования: проблемы и результаты. 2012. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pohoronno-pominalnyu-obryad-u-russkogo-naseleniya-arhangel'skogo-severa-v-kontse-xix-nachale-xx-vv/viewer>

27. Юмсунова Т. Б. Язык семейских — старообрядцев Забайкалья. М.: Языки славянской культуры, 2005. 288 с.

28. Юмсунова Т. Б. Русские говоры старообрядцев (семейских) Забайкалья как говоры переходного типа // Славянское языкознание. XII Международный съезд славистов: доклады российской делегации. М.: Наука, 1998. С. 592–614.

29. Ясинская М. В. Похоронные обряды в Уржумском районе Кировской области // Живая старина. 2000. № 1. С. 16–17.

Словари

30. Алб. словарь — Галуза О. Ю. Албазинский словарь. Благовещенск, 2010. 296 с.

31. СГССЗ — Словарь говоров семейских (старообрядцев) Забайкалья / под ред. Т. Б. Юмсуновой. Новосибирск, 1999. 540 с.

32. СРГП — Словарь русских говоров Приамурья / авт.-сост. О. Ю. Галуза, Ф. П. Иванова, Л. В. Кирпикова и др. Изд. 2-е, испр. и доп. Благовещенск, 2007. 544 с.

33. СРНГ — Словарь русских народных говоров. Вып. 4, 7, 8, 10, 12, 18, 25, 29, 31, 37, 38, 39, 40, 41, 44, 45, 46.